

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800018923-1

“Фелица” Г. Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II

© 2022 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,
младший научный сотрудник филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
ivinskij@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу литературных контекстов оды Г.Р. Державина “Фелица”. Этот текст, с нашей точки зрения, в ключевых идеологических моментах демонстрирует свою зависимость от романа Ж.-Ф. Мармонтеля “Велизарий”. Произведение французского просветителя, как известно, было переведено на русский язык Екатериной II и группой сановников. Державин, как и автор “Велизария”, построил свой текст на антитезе: он противопоставил “пороки” аристократов идеализированному образу монарха. Таким образом, “Фелица” оказывается в одном ряду с текстами, написанными или инспирированными императрицей и посвященными природе власти, а также принципам взаимодействия монарха с подданными, – с “Наказом”, “Велизером”, “Всякой всячиной” и особенно “Собеседником любителей русского слова”. Именно в последнем, который открывался “Фелицей”, были сформулированы новые идеологемы правления, а также сконструирована репутация Державина-поэта.

Ключевые слова: Екатерина II, Г.Р. Державин, “Фелица”, Ж.-Ф. Мармонтель, “Велизарий”, “Собеседник любителей русского слова”.

Для цитирования: Ивинский А.Д. “Фелица” Г.Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S160578800018923-1

Gavriil Derzhavin’s “Felitsa”, J. F. Marmontel’s “Belisarius” and the Strategy of Literary Success in the Court of Catherine the Great

© 2022 Alexander D. Ivinsky

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
Junior Researcher at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russia
ivinskij@gmail.com

Abstract. The article offers an analysis of literary contexts of G.R. Derzhavin's ode “Felitsa”, suggesting to recognize Marmontel's “Bélisaire” (“Belisarius”) as a source for key ideological concerns. The work of a French encyclopédist was translated into Russian by Catherine II and a group of noblemen. Derzhavin, much like the author of “Belisarius”, built his text around the antithesis: he opposed the “vices” of aristocrats to the idealized image of the monarch. Thus, “Felitsa” belongs in the same category of texts as “Nakaz” (“Order”), “Velizer” (“Belisarius”), “Vsyakaya vsyachina” (“All sorts of things”), and especially “Sobesednik liubitelei

rossiiskogo slova" ("Companion for the Lovers of Russian Letters"), which were authored or inspired by the Russian Empress and were addressing the nature of power and the way of things between the monarch and his/her subjects. The latter, the "Companion", not only opened with "Felitsa", but also offered new ideologemes of power and became instrumental in creating Derzhavin's reputation as a poet.

Key words: Catherine II, Gavriil Derzhavin, "Felitsa", J.F. Marmontel, "Belisarius".

For citation: Ivinsky, A.D. "Felitsa" G.R. Derzhavina, "Velizarij" J.-F. Marmontelya i tehnologiya literaturnogo uspeha pri dvore Ekateriny II [Gavriil Derzhavin's "Felitsa", J.-F. Marmontel's "Belisarius" and the Strategy of Literary Success in the Court of Catherine the Great]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 74–81. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800018923-1

"Фелица" многократно привлекала внимание исследователей. Казалось бы, основные историко-литературные контексты оды давно известны. Однако, как нам представляется, один из ключевых текстов эпохи, к которому отсылал Г.Р. Державин своих читателей, до сих пор не изучен, – "Велизарий" Ж.-Ф. Мармонтеля (см.: [1]; [2]). Сопоставление данных произведений позволяет установить неслучайный и глубокий характер связей державинского творчества с культурным проектом Екатерины II и, возможно, ответить на вопрос, почему именно "Фелица" стала одним из главных манифестов литературой политики императрицы 1780-х годов.

Зависимость "Фелицы" от ее творчества общеизвестна и самоочевидна: Державин использовал образы и мотивы "Сказки о царевиче Хлоре" ([3]; об этом см., например, [4, с. 196–198]). При этом исследователи уже указывали на идеологическую близость "Сказки" с произведениями Мармонтеля, в частности с его "Нравоучительными сказками" и "Велизарием" [5, с. 309–310].

Екатерина II видела в "Велизере" один из важнейших текстов эпохи: в нем она последовательно проводила идею безальтернативности самодержавия в России и подчеркивала мысль о фундаментальной роли монарха в политической и культурной жизни державы. В этом отношении "Велизер" встраивается в один идеологический ряд с другими проектами императрицы – с "Наказом", "Всякой всячиной", "Антидотом", "Собеседником любителей российского слова" (и особенно с "Записками касательно российской истории", печатавшимися в нем) [6, с. 12–14].

Как известно, перевод романа Мармонтеля был коллективным проектом: «Перевод "Велизария" сделан был в мае 1767, во время путешествия императрицы по Волге. Мысль, без сомнения, принадлежала ей; в исполнении участвовали многие из приближенных, сопровождавших ее в путешествии» [7, с. VIII]. В издании, помимо самой Екатерины II, участвовали И.П. Елагин, И.Г. Чернышев, В.Г. Орлов, С.М. Козмин, Д.В. Волков, А.В. Нарышкин, А.И. Бибииков, Г.В. Козицкий и

С.Б. Мещерский. Императрица перевела девятую главу данного сочинения (из относительно недавних работ, посвященных этому тексту, см., напр.: [8, с. 24–29]). Эта коллективность творчества оканчивается одним из универсальных приемов, который позволял конструировать культурное пространство двора, и одним из ключевых факторов, который позволяет приблизиться к реконструкции культурной программы Екатерины II, а вместе с тем идеологии государства¹, и к пониманию специфики таких проектов, как "Всякая всячина" и "Собеседник любителей российского слова".

"Фелица" во всех ключевых идеологических моментах связана с "Велизарием". Роман Мармонтеля, как и позднее ода Державина, был построен на антитезе: образ истинного монарха был противопоставлен несовершенствам аристократов; более того, недостатки и пороки двора должны были подчеркивать – по принципу контраста – каким самодержец не должен быть. Идеи Велизария, по словам Юстиниана в романе, должны были быть "училищем всех Государей" [2, с. 82]. Слепой полководец учил Тиверия, будущего императора, если использовать строки Державина, "как укрощать страстей волнение и счастливым на свете быть". Мармонтель подробно описывал опасности придворной жизни, "прелести и обманы двора" [2, с. 52], обличал льстецов и гордецов, показывал, к чему могла привести тяга к роскоши, лицемерие и глупость². При этом выдвигалась идея человечности, гуманности власти: "...должно предполагать в себе, что Государь твой подвержен

¹ См. ряд ценных замечаний А. Вачевой об идее принципиального единства монарха и элиты: [9, с. 434–435].

² Ср. также: "Ты не знаешь, отвечивал Велизар, сосед мой, до какой при дворе тонкости доведено искусство другим вредить, и сколько ухищрение неумолненно, делательно и проворно и способно вкрадываться" [2, с. 129]. Как кажется, Велизер – один из очевидных контекстов образа Стародума: Фонвизин явно ориентировался на образ умудренного горьким опытом придворной жизни "старца", который пытался внушить молодому поколению (здесь напрашивается параллель София – Тиверий) истинные монархические принципы.

ошибке, человек бо есть” [2, с. 78]. К этой мысли автор счел необходимым вернуться и снова подчеркнуть ее важность: “Но где сие награждение, вопрошал молодой человек? Оно, отвечал престарелый, оно в непорочном и внутреннем чувствовании милосердия, в утехе видеть себя человеколюбива, чувствительна, благодушна, напоследок достойна любви людской и взора Предвечного” [2, с. 99–100]. Отметим тему милосердия — одну из ключевых в оде Державина:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но Богу правосудну боле,
Живущему в законах их [10, с. 101].

Текст Мармонтеля был важен для Державина и в другом отношении: французский роман закреплял в сознании читательской аудитории идею допустимости политического диалога “философа”, “мудреца” с монархом. Русский перевод, к тому же сделанный императрицей и ее ближайшими сановниками, до некоторой степени легитимировал эту игру, которая в прошлые эпохи была бы в России невозможной. Таким образом, она вписывалась в большой идеологический сюжет нового просвещенного правления Екатерины II.

Велизарий, знаменитый полководец, в начале романа предстал не в своем подлинном облике, а в виде нищего слепого старика, претензии которого на поучения выглядели странно, если не смешно. Так, в первой главе это несоответствие подчеркивалось прямо: «Старик, сидящий у огня, разговору их внемлет и с сожалением улыбается. Один из них, сие приметя, говорит ему: “Старичок, мне кажется, что тебе смешно то, что мы говорим теперь?”» [2, с. 3]. Но и наследник трона здесь играл роль простого охотника: “Юный Тиверий, ставший потом добродетельным императором, был тогда в числе сих охотников” [2, с. 4]. Таким образом, исходная коммуникативная ситуация в романе строилась на ироничном обыгрывании социальных статусов: оба героя должны были оказаться в *чужом* общественном пространстве, чтобы диалог мог состояться. Подобную игру находим и в оде Державина: поэт не мог бы столь свободно писать к российской императрице, но Мурза чувствовал себя вправе адресовать свой текст к Царевне киргиз-кайсацкой орды. Правда, Державин, используя конструктивный принцип “Велизера”, переосмыслил его: если у Мармонтеля философ открывает императору

тайны правления, то русский поэт, напротив, жаждет узнать истину, которой императрица *уже* владеет, а сатира оказывается инструментом утверждения монархической идеологии.

Во второй строфе оды автор “Фелицы” просил дать “наставленье”, “как пышно и правдиво жить” [10, с. 98]. “Пышность” жизни — одна из важнейших категорий, которые обсуждаются в “Велизере”. Так, в седьмой главе романа читаем: “Зависть, пышность, надменность — все сие низко и подло есть” [2, с. 78]. Как видим, “пышность” оказывается в ряду отрицательных характеристик. Более того, ей — среди прочих “пороков” — Мармонтель противопоставил честное и последовательное исполнение своих “должностей”: “Знаешь ли, кто для меня бодрее всех духом? Тот, кто непоколебимо прилепит исполнять должность свою” [2, с. 80]. Подобную мысль находим в десятой главе: “Самое приятное для Государя верховной власти употребление есть то, что может по своему благоволению жаловать милости и отличности. Побуждающая к тому склонность тем паче притягательна, что уподобляется добродетели, и самый лучший Государь обманется, если не остережется от прелести. Он видит только окружающих его, а все, окружающее его, повторяет ему непрестанно, что великость его состоит в его Дворе, а сияние величества его происходит от обитающей в оном *пышности*, и что тогда токмо пользуется он своими правами, и лучшим из своих преимуществ, когда расточает милости, называемыми его благодеяниями...” [2, с. 117; курсив мой. — А.И.]. Описанный Велизарием подход не позволял решать задачи, которые стояли и перед монархом, и перед его подданными. Служение империи важнее личного честолюбия и богатства. В восьмой главе находим развитие этой мысли: “Честолюбие обыкновенного человека не видит более в вышнем чине, как *бездельные наслаждения* <курсив мой. — А.И.>, коими бы утешаться ему, и для них завидует огромному зданию, двору, угождениям и тому великолепию, которое для того власти присоединить за должность почли, дабы тем больше почитали ее” [2, с. 90]. Большая часть текста “Фелицы” представляет собой описание подобных “бездельных наслаждений” героя и всего света. При этом важно, что идея “пышности” исходит именно от Мурзы — по-видимому, это характеристика (разумеется, это надо воспринимать как игру) того, как он представлял себе придворную жизнь — как цепочку “наслаждений”. Однако образ императрицы в оде совсем другой: она максимально далека от легкомыслия и праздности, напротив, ее жизнь стремится к простоте и “пользе”:

Не слишком любишь маскарады,
 А в клоб не ступишь и ногой;
 Храня обычай, обряды,
 Не донкишотствуешь собой
 <...>
 Но кротости ходя стезею,
 Благоворящею душою,
 Полезных дней проводишь ток [10, с. 98].

Через оба произведения проходит идея “законна”. В “Фелице”, помимо уже приведенного фрагмента о законах царей, в которых живет божественное правосудие, отметим еще:

Которого закон, десница
 Дают и милости и суд. —
 Вещай, премудрая Фелица!
 Где отличен от честных плут?
 Где старость по миру не бродит?
 Заслуга хлеб себе находит?
 Где месть не гонит никого?
 Где совесть с правдой обитают?
 Где добродетели сияют?
 У трона разве твоего! [10, с. 103–104].

В девятой главе “Велизария”, переведенной самой императрицей, содержится рассуждение о власти и законах, имевшее для нее принципиальное значение: “Но когда власть сходствует с законами, то одним законам она и повинуетя. Она основана на воле и силе целого народа. Она тогда неприятелей иных не имеет, кроме злых людей, врагов общих. Всякой, кто участие берет в сохранении порядка и спокойствия общества, есть оберегать рожденный от власти, их покровительствующей; и каждый гражданин во враге государевом видит своего собственного. И тогда нет уже более внутренних двух видов, спорящих друг против друга, и Государь в соединении с своим народом богат и силен всеми богатствами и силами своего государства. Тогда-то он свободен и тогда может правосуден быть, не имея причины бояться своих соперников, ниже уважать каких сообщников. Его власть, внутри утвержденная, будет тем повелительнее и почтеннее извне; и как ни гордость, ни славолюбие, ниже своенравие, никогда рук его к принятию оружия не простирают, то силы его, кои он бережет, имеют всю свою бодрость, когда защищают его народ против домашнего разорителя или чужого похитителя” [2, с. 106–107]. Легко понять, почему Екатерина II решила переводить именно эту главу: в приведенном выше отрывке сконцентрированы ключевые идеологемы ее правления, а вопрос о “законе” естественным образом выдвинулся на первый план, правильно выстроенная юридическая система, по мысли императрицы, позволяла снять острейшую проблему внутренней элитной борьбы за власть. Опора на законы позволяла монарху не “бояться” своих “соперников” и “ниже уважать” своих “сообщников”, иначе говоря, следование “законам” — единственный способ обретения

подлинной независимости. Кроме того, здесь же заявлена идея единения государя с народом — во многом в “обход” аристократии. Таким образом, Державин в “Фелице”, противопоставив — пусть в сколь угодно игровой перспективе — Екатерину II ее окружению, демонстрировал заинтересованному читателю, что он в курсе важнейших идеологических трендов своего времени.

Одновременно Державин стремился максимально заострить тему, утверждая, что только “у трона” различим свет добродетели, тогда как остальной мир погружен в мир беззакония. Не менее важно, что “Фелица” оказалась включена в сложную придворную игру, наподобие той, что была разыграна с “Велизером”: ода как будто отделялась от Державина и превращалась до некоторой степени в коллективное сочинение (его “анонимность” пришлось как нельзя кстати). Так что дело здесь не только и не столько в том, что эта ода “...разом ставила Державина очень высоко, как бы вводила его в круг людей, с которыми императрица шутит” [11, с. 104], сколько в том, что сама Екатерина превращалась до некоторой степени в соавтора этого произведения, когда в экземплярах, предназначенных для вельмож, в которых метил Державина, отмечала соответствующие места — в этот момент создавалось новое произведение: странная, ни на что не похожая ода превращалась в текст, одобренный императрицей, осененный ее рукой, наполненный новыми смыслами³. На подобный резонанс начинающий поэт претендовать, конечно, не мог.

³ Я.К. Грот писал: «Что “Фелица” была принята Екатериною милостиво, ясно из пожалованной Державину награды; но насчет того, как высказалась об этой оде императрица при дворе, есть у самого Державина два не совсем согласных между собою известия. В одном он говорит, что она разослала оттиски тем приближенным, на которых в оде были намеки, и притом подчеркнула относившиеся к каждому стихи. В другом месте сказано, что хотя императрице очень понравилась ода, но она скрывала это от придворных и подавала вид, будто не принимает на свой счет похвал поэта, дабы и вельможи не относили к себе смелой, хотя и тонкой его критики. Чтобы согласовать эти два известия, надо предположить, что, может быть, государыня кому-нибудь и послала “Фелицу” со своими отметками, но что вообще она держала себя так, как объяснено во втором известии. Поэтому-то, как думает Державин, и подарок был ему пожалован под рукою. Затем ему позволено было лично принести благодарность императрице, которая, со своей стороны, любопытствовала увидеть своего певца. Он сам описал нам это представление: оно происходило в Зимнем дворце, при многих других лицах; Екатерина встретила его с важным видом; остановясь поодаль от него, несколько раз окинула его быстрым взором и потом дала ему поцеловать руку. Под впечатлением этого милостивого приема Державин задумал было особое стихотворение, но оно осталось неоконченным, или, вернее, приняло после другой вид в оде “Видение мурзы”, о которой поговорим в своем месте» [4, с. 200].

Подобное “соавторство” не было чем-то неслыханным. Мы знаем другие примеры в творчестве императрицы: наверное, самый известный опыт такого рода — ее “совместное” произведение с Фонвизиним “Вопросы и ответы с приобщением предисловия” ([7, 3, с. 160–167]; о нем см. подробнее: [6, с. 73–81]; [12, с. 48–58]; [13, с. 84–116]). Более того, известно несколько показательных примеров вторжения монарха в художественное творчество. Так, например, «Людовик XIV выступал как “соавтор” Мольера: им дано несколько тем для дворцовых празднеств и подсказан образ маньяка-охотника в “Докучных»» ([14, с. 53–54]; цит. по: [15, с. 39]). Есть подобные прецеденты и в истории русской культуры: как известно, именно царь Алексей Михайлович предложил инсценировать “Книгу Эсфирь” [15, с. 40–42].

Но ситуация с “Фелицей” (как некогда с “Велизером”) была существенно иного рода: к целям придворных идеологических игр адаптировались уже готовые тексты со специфическими судьбами: один извлекался из политического и, так сказать, эдиционного небытия (как известно, во Франции роман Мармонтеля был приговорен к сожжению), а другой — из полной безвестности, и тексты обоих использовались как своего рода послания императрицы к высшему кругу. Торжество начинающего сочинителя было, между тем, хорошо подготовлено. Державин считал, что этим успехом он был обязан помощи трех человек. Так, он написал графу А.А. Безбородке, которого благодарил за золотую табакерку и 500 червонцев: “Вчера по полудни часу в десятом принес мне почтальон пакет, подписанный на мое имя из Оренбурга, в котором я нашел табакерку золотую, осыпанную бриллиантами, и 500 червонных. Думаю, что сей дар ниоткуда, как от руки всемилостивейшей Государыни, мне ниспослан и отправлен от вашего превосходительства, как известного мне во многих случаях благотворителя” [16, с. 367–368]. Почти одновременно было отправлено письмо к кн. Е.Р. Дашковой: “...я рассказал всем случившимся благодарные мои чувствования, как в рассуждении царевны, так и вас, милостивая г^{осуд}д^{ар}ыня, представительством которой, как я думаю, получаю я толь великое и неожиданное награждение за мои слабые дарования” [16, с. 368]. Третье письмо было адресовано О.П. Козодавлеву: “Особливо же благодарю я вас за распространенный слух, касательный до оды Фелицы, по которому дошла она до сведения покровительницы муз” [16, с. 369]. Следовательно, последовательность событий следующая: Державин написал свою оду, Козодавлев сообщил об этом тексте Дашковой, она поднесла

его Екатерине II, которая потому через Безбородку наградила поэта.

Сравним это с тем, как Державин описывал эти события в своих автобиографических записках. Публикация “Фелицы” здесь похожа на сложную, детально продуманную интригу: во-первых, в этом процессе оказались задействованы многие люди — поэты (Н.А. Львов, В.В. Капнист, И.И. Хемницер) и сановники (И.И. Шувалов, Дашкова), более того — оказывается, что до публикации оду уже знал “весь свет”; во-вторых, выясняется, что Державин пытался использовать посредничество Львова, чтобы связаться с Безбородкой, а значит, образ наивного поэта, случайно добившегося успеха, явно не соответствует действительности; в-третьих, в этом рассказе появился новый антигерой — Г.А. Потемкин, гнева которого поэт якобы больше всего боялся и союзником в “борьбе” с которым оказался Шувалов; в-четвертых, до конца проясняется роль Козодавлева: он показал текст Дашковой, которой он якобы подал идею создать журнал; наконец, принципиально важна реакция Екатерины, которая своими “слезами” продемонстрировала признание и автора, и его идей:

По сочинении оды автор показал ее собравшимся у него друзьям своим, Н.А. Львову, В.В. Капнисту и Хемницеру, которые хотя были ею довольны, однако не советовали выдавать ее в свет, опасаясь, чтоб некоторые вельможи не приняли чего на свой счет и не сделали бы его врагами; что он и исполнил, спрятав рукопись в свое бюро, где она целый год, никому неизвестная, и сохранялась. <...> ...случившийся тут Козодавлев, увидев рукопись, прочел из нее несколько строк и под клятвой никому постороннему не показывать выпросил позволение дать ее прочесть тетке своей Анне Осиповне Бобрищевой-Пушкиной, любившей поэзию и особенно стихи Державина. <...> ...через несколько дней, против всякого чаяния, услышал, что она открыто читана в доме И.И. Шувалова на обеде, в присутствии многих знатных гостей (графа А.П. Шувалова, Завадовского, Стрекалова, Безбородки). Шувалов, призвав его к себе, спрашивает с беспокойством: “Как нам быть? и что делать? Оду вашу требует к себе князь Г.А. Потемкин: отсылать ли ее к нему так, как она есть, или выкинуть некоторые места, кои его изображают?” Державин удивился, спросил, как Шувалов про нее знает. Тот отвечал, что она у него есть, и признался, что получил ее под великим секретом <...> однако же беспокоился, чтобы столь сильный человек, каков Потемкин, не растолковал стихов в дурную сторону и не сделал каких-нибудь неприятных внушений императрице. И потому он рассказал про это обстоятельство другу своему Н.А. Львову, прося его разведать, что думает граф Безбородко, и не может ли он предупредить с лучшей стороны государыню. Львов, будто не нарочно, прочитывая наизусть некоторые стихи, вызывал тем графа на объявление его мыслей; хотя тот также хвалил их, но говорил ли что-нибудь императрице, неизвестно.

Вскоре после того, когда княгиня Дашкова сделала была директором Академии наук, то Козодавлев, назначенный при ней советником, показал ей эту пьесу. Ода Державина подала ей мысль предпринять издание журнала "Собеседник любителей российского слова". Никого не предварив о том, она приказала напечатать "Фелицу" на первом листе этого журнала и поднесла на одобрение государыни. Это было в воскресенье, когда княгиня обыкновенно ездила во дворец с докладом по Академии. На другое утро рано императрица посылает за ней. Дашкова застаёт ее прослезившеюся, с журналом в руках. «Кто, — спросила она, — автор "Фелицы", который меня так тонко знает?» [4, с. 198–199].

Перед нами своего рода модель придворного успеха. Создание текста — только первый шаг, который может не иметь никакого социального или идеологического значения, успех произведения — результат коллективной деятельности, направленной на активизацию внимания верховного арбитра, и, таким образом, "эффективность" произведения зависела от вовлеченности автора в мир высшего света. Державин выступил как представитель определенной группы, как носитель системы ценностей, которая Екатерине показалась удобной для использования при выстраивании своей культурной политики. Ровно это произошло в свое время с "Велизером". Но, в отличие от романа Мармонтеля, "Фелицу" удалось использовать для смены литературного придворного стиля. Ломоносов был объявлен классиком, и ломоносовская похвальная ода была окончательно отодвинута на периферию (подробнее см.: [6]).

"Собеседник" открылся "Фелицей" и ею в каком-то смысле и завершился. В заключительном XVI томе О.П. Козодавлев оформил державинский миф, напечатав "официальную версию событий", которая фиксировала и посредническую роль Дашковой, и его собственную; излагался сюжет при помощи условного языка, который у "Фелицы" был общим со "Сказкой о царевиче Хлоре", и если по отношению к "Фелице" постановка вопроса о "соавторстве" Державина и Екатерины II является не более чем условной формой описания ситуации, сложившейся после доставки оды к императрице, то текст Козодавлева свидетельствует о том, что язык сказки и оды (при том что последняя, естественно, опиралась в этом отношении на первую) стал частью придворного "культурного кода":

Живший в Петербурге по делам своим некоторый татарский мурза, знающий весьма хорошо российский язык, сочинил в исходе 1782 года оду к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице. Сие сочинение, как всем известно, писано совсем иным слогом, как прежде такого рода стихотворения писывались. Мурза прочел сию оду другу своему, некоторому молодому

россиянину, который, так же как и он, наполнен благоговением к сему примеру земных царей, а сверх того и благодарностью за излинные Фелицею на воспитание его щедроты, которыми он, будучи хотя россиянином, но служа при ее дворе с осьми лет своего возраста, приобрел некоторые человеку нужные знания, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель в десятое царство. Истина, изображенная в сем прекрасном произведении татарского пера, восхитила его до слез, и он, будучи знаком со многими покровителями и любителями наук, взял сию оду к себе и некоторым из оных дал с нее копии; но она довольно долго пребывала в карманах тех господ и не доходила до ушей Фелицы за неимением, может быть, курьера, который бы мог ее доставить в назначенное место.

В начале 1783 года помянутый россиянин определился в какую-то должность при российском Парнасе (в должность советника при Академии наук). Сие подало ему случай показать сие сочинение начальнице Парнаса, которая, красоты и истины находящиеся в сей оде почувствовав, решила приказать ее напечатать; а дабы чрез то подать случай и другим сочинителям изощрять свои дарования, вздумала она издавать книгу под заглавием "Собеседник любителей российского слова". Для исполнения предприятия своего пригласила она мурзу, помянутого россиянина и некоторых других сочинителей. Вот рождение "Собеседника" [17, с. 6–8].

Как видим, Козодавлев продолжал игру, используя имена из державинской оды и прозрачные иносказательные именованья Дашковой. Выстроив эту игровую перспективу, он осмыслил "Собеседник" как прямое следствие "Фелицы". При этом он опустил несколько звеньев: вычеркнуты упоминания сановников и поэтов-посредников, но показательно, что и тут появляется мотив проливаемых над одой слез, хотя теперь эта чувствительность приписывалась не императрице, а самому Козодавлеву. В любом случае связь "Фелицы" с "Собеседником" закреплялась, если можно так выразиться, на официальном уровне. Более того, ода Державина *сливалась* с журналом императрицы, превращалась в единое идеологическое высказывание, в *продукт* сложной придворной политики, в текст, который принадлежал, в сущности, всем участникам сюжета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marmontel J.F. Belisaire*. Paris: Impr. de P. Alex. le Prieur, 1767. 340 p.
2. Велизер, сочинение Господина Мармонтеля, члена французской академии, переведен на Волге. М.: Имп. Моск. ун-т, 1768. 287 с.
3. Сказка о царевиче Хлоре. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1783. 22 с.

4. Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
5. Акимова Т.И. Литературное творчество Екатерины II: “галантный диалог” в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 465 с.
6. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: “Собеседник любителей русского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.
7. Сочинения императрицы Екатерины II / На основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. академика А.Н. Пыпина. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 422 с.
8. Ибнеева Г.В. Общественное воспитание в политической практике Екатерины II: к истории перевода романа Ж. Ф. Мармонтеля “Велизарий” // Известия Иркутского государственного университета. Серия “История”. 2014. Т. 9. С. 24–29.
9. Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2015. 719 с.
10. Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.
11. Ходасевич В. Державин. М.: Книга, 1988. 384 с.
12. Ивинский А.Д. Екатерина II и Д.И. Фонвизин: о литературных контекстах Вопросов и ответов // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. С. 48–58.
13. Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: НЛЮ, 2017. 256 с.
14. Бояджиев Г.Н. Мольер: Исторический путь формирования жанра высокой комедии. М.: Искусство, 1967. 622 с.
15. Одесский М.П. Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2021. 506 с.
16. Державин Г.Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. Т. 5: Переписка до 1793 года. 773 письма Державина и к Державину. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 984 с.
17. Собеседник любителей русского слова. Ч. 16. СПб.: Изданием Имп. Акад. наук, 1784. 89 с.
- Academy, Translated on Volga]. Moscow, 1768. 287 p. (In Russ.)
3. *Skazka o tsareviche Khlore* [The Tale of the Tsarevich Khlor]. St. Petersburg, 1783. 22 p. (In Russ.)
4. Grot, Ia.K. *Zhizn Derzhavina* [The Life of Derzhavin]. Moscow, 1997. 685 p. (In Russ.)
5. Akimova, T.I. *Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny II: “galantnyi dialog” v sisteme avtorskikh strategii (istoki, funktsii, zhanry)* [Literary Work of Catherine II: “Gallant dialogue” in the System of Author’s Strategies (Origins, Functions, Genres)]. Diss. Doct. Sci. (Pfilol.). Moscow, 2015. 465 p. (In Russ.)
6. Ivinsky, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: “Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova”* [Catherine II’s Literary Politics: Magazine “Companion of Lovers of Russian Letters”]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)
7. *Sochineniia imperatritsy Ekateriny II. Na osnovanii podlinnykh rukopisei i s ob’asnitelnyimi primechaniiami akademika A.N. Pypina. T. 1* [Literary Works of Empress Catherine II. Based on the Original Manuscripts and with Explanatory Notes by Academician A.N. Pypin. Vol. 1]. St. Petersburg, 1901. 422 p. (In Russ.)
8. Ibneeva, G.V. *Obshchestvennoe vospitanie v politicheskoi praktike Ekateriny II: k istorii perevoda romana Zh.F. Marmontelia “Velizarii”* [Public Education in the Political Practice of Catherine II: on the History of Translation of the Novel by J.F. Marmontel “Belisarius”]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia “Istoriya”* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”]. 2014, Vol. 9, pp. 24–29. (In Russ.)
9. Vacheva, A. *Potomstvu Ekaterina II. Idei i narrativnye strategii v avtobiografii imperatritsy* [To Posterity from Catherine II. The Ideas and Narrative Strategies in the Autobiography of Empress]. Sofia, 2015. 719 p. (In Russ.)
10. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, 1957. 488 p. (In Russ.)
11. Khodasevich, V. *Derzhavin*. Moscow, 1988. 384 p. (In Russ.)
12. Ivinsky, A.D. *Ekaterina II i D.I. Fonvizin: o literaturnykh kontekstakh Voprosov i otvetov* [Catherine II and Fonvizin: on the Contexts of “Questions and Answers”]. *E.R. Dashkova i Ekaterina Velikaia: Kulturnoe nasledie i sovremennost* [E.R. Dashkova and Catherine the Great: Cultural Heritage and Modernity]. 2014, pp. 48–58. (In Russ.)
13. Proskurina, V. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [The Pen Empire of Catherine II: Literature as Politics]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.)
14. Boyadzhiev, G.N. *Moljer: Istoricheskii put formirovaniia zhanra vysokoi komedii* [Moliere: The Historical Path of Formation of the High Comedy Genre]. Moscow, 1967. 622 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Marmontel, J.F. *Belisaire*. Paris: Impr. de P. Alex. le Prieur, 1767. 340 p. (In French)
2. *Velizer, sochinenie Gospodina Marmontelia, chlena frantsuzskoi akademii, pereveden na Volge* [Belisarius. The Novel of Mr. Marmontel, the Member of French

13. Proskurina, V. *Imperiia pera Ekateriny II: literatura kak politika* [The Pen Empire of Catherine II: Literature as Politics]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.)
14. Boyadzhiev, G.N. *Moljer: Istoricheskii put formirovaniia zhanra vysokoi komedii* [Moliere: The Historical Path of Formation of the High Comedy Genre]. Moscow, 1967. 622 p. (In Russ.)

15. Odessky, M.P. *Poetika russkoi dramy: vtoraia polovina XVII – pervaiia tret XVIII v.* [Poetics of Russian Drama: the Second Half of the 17th – First Third of the 18th Century] Moscow, 2021. 506 p. (In Russ.)
16. Derzhavin, G.R. *Sochineniia.* [Literary Works]. Vol. 5. St. Petersburg, 1869. 984 p. (In Russ.)
17. *Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova* [Companion of Lovers of Russian Letters]. Vol. 16. St. Petersburg, 1784. 89 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 августа 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 декабря 2021 г.
Статья принята к публикации: 25 декабря 2021 г.
Дата публикации: 28 февраля 2022 г.

Received by Editor on August 25, 2021
Revised on December 18, 2021
Accepted on December 25, 2021
Date of publication: February 28, 2022